

¹⁷ *Татикава К.* Дай ни дзи сэкай тайсэн то Фурансу рё Индосина. С. 40—42.

¹⁸ Там же. С 42—43; *Catroux G.* Deux actes du drame indochinois. Hanoi: Juin 1940. Dien Bien Phu: Mars — Mai 1954. Paris, 1959. P.51—52; *Hata I.* The Army Move into Northern Indochina. P. 158; *Deviliers P.* Histoire du Viet-Nam de 1940 a 1945. Paris, 1952. P. 74.

¹⁹ *Татикава К.* Дай ни дзи сэкай тайсэн то Фурансу рё Индосина. С. 43.

²⁰ *Palasz-Rutkowska E.* Polityka Japonii wobec Polski 1918—1941. Warszawa, 1998. S. 95.

²¹ *Barnhart M.A.* Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941. P. 140.

²² *Tabuchi Y.* Indochina's Role in Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: A Food-Procurement Strategy // Indochina in 1940's and 1950's. New York, 1992. P. 91.

²³ *Shiraishi M.* The Vietnamese Phuc Quoc League and the 1940 Insurrection. P.36; *Hata I.* The Army Move into Northern Indochina. P. 155.

²⁴ *Иэнага С.* Тайхэйё сэнсо. Токио, 1986. С. 168.

²⁵ *Palasz-Rutkowska E.* Polityka Japonii wobec Polski 1918—1941. S. 149.

²⁶ *Barnhart M.A.* Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919—1941. P. 159—160.

²⁷ *Ike N.* Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford, California, 1967. P. 26.

²⁸ Ibid. P. 39.

²⁹ *Marr D.G.* Vietnam 1945. The Quest for Power. Berkeley, Los Angeles, London, 1995. P. 27.

³⁰ *Tabuchi Y.* Indochina's Role in Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: A Food-Procurement Strategy. P. 92.

³¹ *Leday W.* L'offensive nipponne dans le Sud-Est asiatique: de l'utilisation strategique de l'Indochine fraçaise. URL: <http://www.institut-strategie.fr/84-IEDAY.htm>

³² *Faure G., Schwab L.* Japon — Viet Nam. Histoire d'une liaison sous influences. Paris, Bangkok, 2004. P. 27.

А.А. Соколов

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КОЛОНИИ В ИНДОКИТАЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)*

Вплоть до начала XX в. русские люди редко посещали Индокитай, в основном это были военные моряки, дипломаты, журналисты, путешественники. Такая ситуация объяснялась прежде всего геополитическими интересами Российской империи. После Октябрьской революции 1917 г. волны русской эмиграции достигли и этой далекой азиатской страны. В силу исторических причин одним из наиболее крупных центров русской эмиграции стала Франция, из которой бывшие наши соотечественники попадали в Индокитай. И здесь, главным образом, на севере и юге страны, в 1920—1930-е гг. начала формироваться русская колония, которая состояла из военных и гражданских лиц¹.

Малой части русских офицеров удалось во Франции продолжить свою профессиональную карьеру в рядах Иностранного легиона. Некоторым из них предоставлялось французское гражданство и тяжелейшая служба в колониях. Отслужив установленный контрактом срок, они затем получали определенные льготы при устройстве на работу во Франции.

По данным французского военного историка Тибора Жешко, уже в 1921 г. в Индокитае проходили службу 107 русских легионеров². А в 1925 г. только в Тонкине, северной части стра-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-21-09000.

ны, находились 83 русских легионера, а численность русской колонии составляла около 100 человек³. В последующие годы численность военных лиц сократилась. Возможно, это было связано с начавшейся Второй мировой войны, когда набор в Иностраный легион был приостановлен. В 1946 г. в ответ на запрос Наркоминдела СССР относительно репатриации русских граждан из Индокитая французские власти сообщили, что на тот момент в Тонкине насчитывалось 44 русских, из них 28 легионеров, находящихся в тюремном заключении (в Ханойской городской крепости)⁴. Последние русские легионеры покинули Индокитай уже после Женевских соглашений 1954 г.

За все годы своего существования численность русской колонии, именно ее гражданской части, была малочисленной и вряд ли превышала 200 человек. Это были служащие различных учреждений, в том числе и колониальных, а также частных компаний — строительных, технических, финансовых, причем, в первую очередь французских. Так, в «Справочнике служащих общественных учреждений Индокитая, 1949—1950 годы» встречаются фамилии, которые с определенной степенью вероятности могли бы принадлежать выходцам из Российской империи. Это — служащий административного учреждения Александр Тер-Саркисов и сотрудник таможенного управления Георгий Иовлев⁵. Русские эмигранты также преподавали в учебных заведениях (японист О.В. Плетнер), являлись сотрудниками французских академических организаций (археолог В.В. Голубев, зоолог К.Н. Давыдов и др.) в колонии.

* * *

Русские эмигранты попадали в Индокитай и через соседний Китай, где к 1920-м гг. сложилась многочисленная русская колония, главным образом, в крупных городах — Харбине, Шанхае, Пекине. Они пытались найти работу в Индокитае и пробовали свои силы в различных сферах деятельности.

В 1964 г. в СССР была опубликована книга Натальи Ильиной «Дороги и судьбы», в которой она рассказала о жизни русской эмиграции в Китае. В числе прочих персонажей своего по-

вестования она упоминала и свою младшую сестру, Ольгу, которая в октябре 1942 г. уехала из Шанхая в Индокитай⁶. В этой достаточно рискованной поездке молодую девушку сопровождал инженер Владимир Кандауров, работавший тогда в Сайгоне. В Ханое жил хороший знакомый ее матери (Е.Д. Воейковой-Ильиной) — француз Масснэ, родственник знаменитого композитора. Возможно, они были знакомы через его жену, известную русскую певицу.

Господин Масснэ нашел для молодой русской девушки секретарскую работу в Ханое и по-родственному опекал ее. Там Ольга познакомилась с француженкой русского происхождения по имени Лола, учившейся музыке в Парижской консерватории. Она имела титул графини, потому что была замужем за кавалерийским офицером, принадлежавшим к известному аристократическому роду во Франции.

После нескольких месяцев жизни в столице Тонкина Ольга Ильина вышла замуж за французского офицера, а затем вместе с ним уехала в Хюэ, императорскую столицу Аннама. В начале марта 1945 г. она отправилась в Сайгон, чтобы купить детские вещи для своего будущего ребенка. Но больше в Хюэ ей уже не довелось вернуться. Во время японского переворота, совершенного в Индокитае, ее муж погиб, а дом в Хюэ был разграблен и сожжен. И Ольге пришлось свою жизнь в Индокитае опять начинать сначала. Спустя год она вновь вышла замуж — за французского офицера Мориса Лаиля, с которым ее познакомил все тот же Владимир Кандауров, а в 1946 г. супруги Лаиль уехали в Париж.

Уже на рубеже XX—XXI вв. Ольга Иосифовна Лаиль написала мемуары. Она дала своей книге символическое название «Восточная нить»⁷ и в ней подробно рассказала о прожитых ею годах в разных странах Дальнего Востока. Одна из четырех глав посвящена Индокитаю, написана она особенно эмоционально — ведь именно там произошли самые важные события в личной жизни автора мемуаров. Для нас же наибольший интерес представляет описание жизни этой французской колонии в годы Второй мировой войны потому, что она была увидена глазами русского человека. Эти заметки, вернее, пространные за-

рисовки с натуры, в весьма живой манере воспроизводят уклад жизни, прежде всего, «европейского сословия» Ханоя и Сайгона, но написаны они достаточно демократично и с явной симпатией к вьетнамскому народу. Конечно, мемуары О.И. Лаиль это не исторический документ, они, как и положено произведениям этого жанра, субъективны, поэтому часто «грешат» историческими ошибками и неточностями. Тем не менее, ее книга — важное свидетельство эпохи, оставленное нам талантливой русской беллетристкой.

В своих мемуарах и личных интервью О.И. Лаиль рассказала и о «русском пласте» индокитайского общества. Главным образом, это были русские жены, которые приехали в Индокитай вместе со своими французскими мужьями. Как правило, они не работали и посвящали свою жизнь семье. Другую часть многочисленного русского населения колонии представляли служащие самых различных рангов — от шоферов и технического персонала до управляющих небольшими фирмами и сотрудников колониальной администрации.

Из своих сайгонских знакомых она особенно часто вспоминала инженера **Владимира Кандаурова**, работавшего в солидной французской фирме, **Шушу — Александру Сокольскую**, создавшую у себя дома небольшую лабораторию по производству косметических кремов, **Марию Яковлевну Всевожскую** — хозяйку одного из наиболее известных домов моды в городе, приехавшую из Китая мадам **Гойо (Волкову)**, некоего господина **Нирова**.

Молодая Ольга Ильина общалась и с супругами **Трубины-ми** — они приехали из Японии и, прожив какое-то время в Сайгоне, переехали в США. Мадам Трубина была искусной портнихой и обшивала многих местных французов.

Она помнит и военных, многие из которых были на службе во французской армии (главным образом, в Иностранном легионе): легионера **Беляева**, женатого на польке и имевшего двух детей; казака и легионера **Федора Ивановича Елисеева**, его жену и сына; капитана **Джанибекова**; очень общительного и любившего выпить **Соловьева**, имевшего много друзей среди французов. О некоторых из них еще будет сказано подробнее, уже в связи с воспоминаниями Ольги Федоровны Григорьевой, в за-

мужестве Менёр, с которой автору данной статьи посчастливилось познакомиться благодаря О.И. Лаиль.

Несомненно, одним из интересных персонажей русской колонии в Индокитае был **Владимир Петрович Кандауров**, близкий друг будущей писательницы Натальи Ильиной и добрый покровитель ею младшей сестры Ольги Ильиной.

Владимир Петрович Кандауров (1906—1997) родился в семье инженера-путейца⁸. Семья в основном жила в Санкт-Петербурге, а после Октябрьской революции 1917 г. переехала во Францию. В 1927 г. он закончил авторитетное учебное заведение Ecole des Arts et Metier в Париже, получив специальность инженера. После службы в армии отправился в Индокитай, стал работать в компании Jacques Node Langlois. Во время очередного отпуска во Франции Кандауров познакомился с англичанкой Кэтлин Леннард, они поженились и после свадьбы уехали в Сайгон. Там в 1938 г. у них родился сын Данила (Даниэль)⁹.

Молодая журналистка Наталья Ильина познакомилась с Владимиром Кандауровым в августе 1942 г., когда жила в Шанхае и писала статьи и фельетоны в газету «Новая жизнь». Вот как она вспоминала тот период своей жизни: «Он [Кандауров] тогда работал в Сайгоне, приехал в Шанхай на два месяца, в командировку. Познакомившись со мной, разговаривая, почувствовал родственную душу, стал приходить. Вместе слушали вечерние радиопередачи... Я России не помнила, он помнил, увезли одиннадцатилетним... Оба родились в одном городе — в Санкт-Петербурге. Много говорили о нем, о блокаде... Россия и война были нашей главной темой»¹⁰.

Будущей писательнице Кандауров запомнился долговязым, голубоглазым молодым мужчиной в очках. При этом «было что-то детское в том, что этот человек не выговаривал ни “р”, ни “л”, а вместо “ш” — что-то похожее на “ф”»¹¹. Она так охарактеризовала своего нового знакомого: «По-французски он говорил свободно, но с акцентом, по первым словам было ясно — иностранец. Ему следовало хорошо учиться, особенно хорошо, чтобы неравенство с другими сгладить, как бы засыпать эту канаву, этот ров, отделявший его от молодых французов, живущих в собственной стране, — уже этим они были лучше него. Учился

он блестяще, и были способности к профессии, еще с детства им выбранной...

А ведь богат был не всегда. Его родители, попавшие в Париж с беженской волной девятнадцатого — двадцатого года, ценой различных жертв ухитрились дать сыну образование. Сын оказался не только трудолюбив, но и талантлив. Были у него, видимо, семь пятей во лбу, та страстная любовь к избранной им профессии инженера-строителя, какие позволили ему в неравных условиях («апатрид, французский язык не родной») и институт отлично окончить, и работу найти, поначалу в Индокитае, затем в Париже...»¹².

Несмотря на разницу лет (Ильина была значительно моложе Кандаурова) и на то, что он рос, учился, жил во Франции, а она — в Китае, в их судьбах эмигрантов второго поколения было много общего, прежде всего, оставшаяся далеко Родина. «И были минуты, когда нам казалось, что мы готовы ринуться в Россию, немедленно, выехать завтра, лишь бы туда пустили! ...Осуждали родителей: зачем уехали, зачем нас увезли? Он родителей своих глубоко почитал, нежно любил (оба живы, оба в Париже) и говорил с часто свойственной ему извинительной интонацией: «В то время они просто не понимали...»¹³.

Именно Владимир Кандауров помог Ольге, младшей сестре Натальи Ильиной, приехать в Индокитай, помогал ей и тогда, когда она, молодая вдова с маленькой дочкой, стала жить в Сайгоне. Вместе с Александрой Сокольской он часто навещал Ольгу, приглашал к себе домой в свою «небольшую квартирку под крышей одного из самых больших домов в Сайгоне в конце улицы Катина». У него собирались интересные люди, сайгонская интеллигенция, часто возникали жаркие дискуссии. Кандауров был очень образованным человеком, мог прекрасно читать по-русски, по-французски, по-английски и по-немецки. Как рассказывала О.И. Лаиль, Владимиру Кандаурову нравилось говорить о политике, о философии, он твердо верил в то, что Сталин — великий вождь и стратег, и только благодаря ему Советский Союз выиграл войну.

Об этой черте характера Кандаурова вспоминала и писательница Наталья Ильина уже после встреч с ним в 1965-м и в по-

следующие годы: «Уже тогда, во время нашей первой встречи в Париже, я видела, что моему старому другу удалось пронести сквозь годы нетронутым восторженное отношение к Советскому Союзу, ничем непоколебимую уверенность: все, что делалось, все делается, — все правильно, все на благо! Из отсталой, аграрной — мощная индустриальная держава... Своей принадлежностью к русской нации гордился... Он ухитрился законсервировать, пронести нетронутым сквозь десятилетия и свое восхищение Сталиным»¹⁴.

После возвращения из Индокитае во Францию Владимир Кандауров снова женился — на француженке Жаннетт Боттон, работал в проектно-инженерном бюро в Париже, а в 1955 г. создал свое собственное. Самый большой проект, который он смог реализовать, это башня Монпарнас (Tour Montparnasse), высотой в 200 м¹⁵. Его сын Данила также подтверждал, что всю свою долгую жизнь Кандауров-старший «проявлял живой интерес к своей исторической родине, и даже к Советской России. Он был одним из первых пациентов известного советского офтальмолога Святослава Федорова»¹⁶.

* * *

Одной из наиболее показательных и типичных судеб русского эмигранта в Индокитае может служить жизнь потомственного военного офицера **Федора Гавриловича Григорьева** (1897—1980)¹⁷. Он родился в Санкт-Петербурге в семье военного медика, учился в реальном училище в Гатчине.

В 1918 г. после окончания Морского корпуса был направлен на службу в Севастополь на крейсер «Алмаз», на котором уже проходил учебную практику двумя годами раньше. Вместе с другими русскими офицерами Григорьев был интегрирован во французский военный флот, как офицер связи между русским и французскими флотами с 25 января по 1 августа 1919 г. он служил на французской канонерке Le Gres и, благодаря блестящему знанию французского языка, как переводчик. В 1920 г. он и его жена Ольга Николаевна Полозова вместе с кораблями российского флота эвакуировались в Константинополь. Спустя не-

сколько месяцев команда корабля и гражданские лица перебазировались в Бизерту. В этом тунисском городе, ставшем одним из центров русской эмиграции, Григорьевы прожили три года. После установления дипломатических отношений между Францией и Советской Россией корабли русского флота, включая «Алмаз», были проданы. Этим событием была закрыта еще одна страница в жизни Григорьевых на чужбине.

В 1922 г. Федор Григорьев вместе со своей супругой перебрался в Париж, где прожил до 1927 г. Именно там, в 1924 г., у них родилась дочь Ольга. Во французской столице Федор Григорьев работал таксистом, как правило, ночью, и достаточно хорошо зарабатывал. Следующей за службой в Иностранном легионе традиционной сферой деятельности русских эмигрантов из офицерской среды было парижское такси. Григорьев не стал возвращаться на военную службу, хотя французы предлагали ему хорошую должность на флоте и даже в том же звании старшего лейтенанта, так как он хотел сохранить верность присяге своему государю и Отечеству.

Григорьев оказался в Индокитае благодаря помощи своего друга Бориса Еремеева, с которым учился в Морском корпусе в Санкт-Петербурге. Сам Борис Еремеев, впоследствии тоже связавший свою судьбу с этой французской колонией, после Октябрьской революции 1917 г. покинул Владивосток вместе с русской морской эскадрой и отправился в Шанхай, затем в Кантон, а конечным пунктом его странствий стал Сайгон. Здесь он стал работать в крупной французской строительной компании. Во время отпуска Еремеев оказался во Франции и там разыскал своих товарищей по учебе в Морском корпусе, в том числе и Федора Григорьева. Борис Еремеев пообещал поспособствовать ему в поисках работы в Индокитае. Перед отъездом в колонию Федор Григорьев, его жена и дочь Ольга получили французское гражданство.

Еще со времени службы на флоте, особенно в качестве переводчика, Григорьев сохранил хорошие отношения с французскими морскими офицерами, в том числе и с адмиралом Лаказом. Григорьев отправился к нему с просьбой помочь его семье уехать в Индокитай. Адмирал отдал распоряжение отправить се-

мью Григорьевых в Индокитай без билетов и предоставить им каюту 1-го класса на корабле, следовавшем в Сайгон. Плавание продлилось почти целый месяц. Вместе с ними на этом корабле находилась и семья Еремеевых: Борис, его жена Ксения и две дочери — Марина и Людмила.

Федор Григорьев прибыл в Индокитай как французский гражданин и как переселенец (колон), что давало ему и его семье некоторые преимущества в дальнейшей жизни в колонии. Вначале он работал в большой морской компании *Société des Affreteurs Indochinois*, в его ведении находилась эксплуатация старых каботажных судов. Владелец компании корсиканец Орсини экономил на жаловании своим сотрудникам, поэтому очень скоро Григорьев стал искать новую работу. Некоторое время он служил в железнодорожной компании, поэтому Григорьевым пришлось переехать в приморский город Нячанг. Здесь они познакомились с семьей русского ученого-зоолога К.Н. Давыдова.

В последующие годы его жизнь и предпринимательская деятельность — с некоторыми временными перерывами — во многом была связана с Камбоджей. Почти три года он работал в рыболовецкой компании *Compagnie des Grands Lacs*. Но после того как хозяин-француз разорился, Григорьеву пришлось вернуться в Сайгон. По совету и при поддержке Владимира Кандаурова он создал свою строительную фирму — в то время колония переживала настоящую «строительную лихорадку».

С разрешения генерал-губернатора Индокитая Ф. Григорьев занимался геологической разведкой, а в августе 1941 г. получил в концессию два месторождения — «Ольга» и «Марина», расположенные в провинции Фанранг. Параллельно он вел поиски и в других местах. Найденный им минерал молибденит (молибден) оказался очень востребован в оружейной промышленности. Позже Григорьев поручил управление месторождениями и дальнейшее проведение геологоразведки своему двоюродному брату Игорю Буланину.

Григорьев также получил в концессию 19 гектаров лесных угодий в камбоджийской провинции Кратье. Оказалось, что в этих местах, до сих пор никем не эксплуатировавшихся, произ-

растает много пород деревьев, которые пригодны для получения масляной смолы — олеорезина. Он организовал производство этого продукта для последующей продажи на сайгонские фабрики, занимавшиеся производством лака. В 1942 г. на его предприятиях работали 24 вьетнамца, которые числились в штате, и 164 кхмера на сдельшине.

Как вспоминали его дочери, Ольга и Валентина, Ф. Григорьев сделал очень много для улучшения социальных и санитарных условий жизни своих служащих и рабочих. На территории его предприятий были открыты лазареты с санитарками, библиотека, комната для игр, построена пагода.

В марте 1945 г. после переворота, совершенного японцами в Индокитае, Федор Григорьев и его двоюродный брат Игорь Буланин ушли в джунгли, чтобы вести борьбу против оккупантов. 3 апреля 1945 г. Григорьев отправился в камбоджийскую деревню, чтобы закупить продукты, но был там арестован японским военным патрулем и препровожден в тюрьму в местечке Сноул. Там он находился 3 месяца до 6 июля 1945 г. Затем на военном грузовике его доставили в Сайгон, где он был интернирован. Федор Григорьев был освобожден британскими войсками 10 октября 1945 г.

Вместе со своей супругой Григорьев снова вернулся в Камбоджу, чтобы продолжить работу на своих предприятиях. Одновременно он вел активную общественную и просветительскую работу. С 1948 по 1950 г. он исполнял обязанности генерального секретаря Ассоциации старых бойцов Камбоджи (*Association des anciens combattants du Cambodge*), в Пномпене часто выступал с публичными лекциями по актуальным проблемам того времени («Секреты атомной бомбы», «Рождение, жизнь и смерть звезд» и т. п.). Его часто приглашали к королю Нородому Сиануку, который любил с ним беседовать о политике.

Жизнь Федора Григорьева и его жены в период с 1945 по 1950 г. была полна трудностей и лишений, поэтому он решил продать свои предприятия и лесные угодья. Однако после провозглашения независимости Камбоджи были запрещены все коммерческие операции между французами, связанные с передачей собственности. Он лишился всего того, что за долгие годы

тяжелым трудом создал в Камбодже, и ему пришлось вернуться во Францию.

Приехав в Париж, Федор Григорьев познакомился с Софией Николаевной Маляревской, которая стала его второй супругой¹⁸. Это была дочь морского офицера Николая Владимировича Маляревского.

Со своим другом М. Луповым он решил отправиться в Африку, чтобы там создать небольшую автомобильную компанию по обслуживанию туристов. Но из этой затеи ничего не вышло.

Позднее вместе со своей новой женой Григорьев решил окончательно обосноваться в Марселе. У них родились две дочери — Вера и Валентина. Первое время он занимался продажей масла и сыров. Затем заочно окончил курсы и основал маленькую фирму, оказывающую копировальные услуги на множительной технике — ротаторе. Занимался переводами для частных лиц и для государственных учреждений (местного университета и суда), пробовал силы в написании философских эссе¹⁹.

Ф.Г. Григорьев работал до самого последнего дня своей жизни. Большой радостью для него стала поездка в Ленинград в 1972 г., где он встретился со своей сестрой Наташей.

В 1943 г. его дочь от первого брака Ольга вышла замуж за француза Мишеля Менёра, служащего судоходной компании *Denis Freres*. В 1947 г. молодые супруги уехали из Индокита в Гонконг, где прожили 3 года. Затем они снова вернулись в Сайгон, потом по несколько лет жили в разных странах. Окончательно поселившись в Париже, О.Ф. Менёр полностью посвятила себя семье, вырастила троих детей. Она профессионально занималась искусством составления букетов, о чем написала несколько книг. Она очень любила Россию и русскую культуру, прекрасно говорила по-русски (но не умела писать по-русски!). До конца своей жизни она оставалась очень энергичным и доброжелательным человеком²⁰.

Следует подробнее рассказать и об **Игоре Алексеевиче Буланине**, двоюродном брате Ф.Г. Григорьева. Он закончил Владивостокское морское училище, был рядовым Морской роты Сибирской флотилии. Игорь Буланин упомянут в списке моряков, оказавшихся в 1921 г. в Бизерте и приписанных к крейсеру

«Орел». Из Туниса он перебирается в Шанхай, а затем — в Сайгон. В Индокитае он оказался благодаря Ф.Г. Григорьеву. О жизни Игоря Буланина на чужбине удалось узнать из рассказа О.Ф. Менёр и письма Ф.Г. Григорьева дочери Буланина Беатрис Филипп²¹.

Первое время И. Буланин работал у Григорьева, который поручил ему руководить строительством различных объектов в Камбодже. Потом занялся охотой на слонов, разведкой полезных ископаемых. Через несколько лет жизни в Индокитае, в 1938 г. Игорь Буланин получил французское гражданство. А вот какую характеристику Ф.Г. Григорьев дал своему двоюродному брату: «По характеру — в высшей степени благородный человек. После начала Второй мировой войны, 15 февраля 1940 г. был мобилизован в 5-й колониальный артиллерийский полк. После занятия Индокитае японцам стал активно сражаться против захватчиков. Он ушел в джунгли и стал настоящим участником Сопротивления, атаковал японцев. Многие говорили, что участвовали в Сопротивлении, но в действительности мало что делали.

Он ушел в сопротивление 9 марта 1945 г., примкнув к горным народам *мои* в Малам (район Кронгфа). Так продолжалось почти 9 месяцев. Он лично уничтожил 4 японцев (в том числе 1 офицера) и 2 вьетнамцев из Вьетминя, один из которых по имени Тхань был начальником гаража в Кронгфа. При этом он был большим другом народности *мои* и аннамитского народа. Он сражался против японцев и их местных приспешников.

Он сражался один тогда, когда французы вынуждены были прекратить всякое сопротивление. За его голову было назначено большое вознаграждение. Он погиб в результате предательства. Один из местных *мои* ночью привел вьетов к дереву, которое служило наблюдательной вышкой и под которым обычно спал Буланин. Он был замучен и казнен — заколот деревянными кольями. 7 декабря 1945 г. в деревне Дакньо в 4 км от Туртям он погиб, отдав свою жизнь, сражаясь с врагами Франции. Он умер за Францию»²².

Перед отъездом из Индокитае Григорьев пытался найти могилу своего двоюродного брата и обратился за помощью к на-

чальнику полиции в Фанранге; тот нашел *кули*, который и захоронил тело Булафина по приказу убийц. Но где он был похоронен, так и неизвестно. У Буланина осталось четверо детей метисов от разных матерей. Дети были крещены православным священником из Шанхая, приглашенным в Индокитай русской колонией на празднование Пасхи. После гибели Буланина Федор Григорьев хотел стать опекуном его детей, но это оказалось невозможно. Они были признаны «детьми нации» (*orphelins de la Nation*), и французское государство вступило во владение его геологическими месторождениями. Две дочери Буланина получили религиозное образование, потом уехали во Францию и там вышли замуж.

* * *

В 1930-е гг. ряды русской колонии в Сайгоне пополнил **Борис Васильевич Остроумов** (1879—1944), который вместе с семьей приехал из Китая. Он окончил Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения. Был начальником Бухарской (1911) и Южно-Сибирской (1916—1918) железнодорожных магистралей.

В 1921 г. Б.В. Остроумов был приглашен на должность управляющего Китайской восточной железной дороги (КВЖД), став ее последним русским (не советским) управляющим (со 2 февраля 1921 по 3 октября 1924 г.)²³. Современники отзывались о нем как о настоящем русском самородке, «человеке исключительной энергии и организаторских способностей, отличном инженере». В конце 1929 — начале 1930 г. китайские власти приняли решение о высылке Б.В. Остроумова и некоторых других русских, и в мае 1930 г. он покинул страну²⁴. Вероятно, именно тогда он перебрался в Индокитай.

В Сайгоне Б.В. Остроумов жил вместе со своим сыном Андреем, который был блестящим наездником-жокеем, занимался выездкой лошадей из их семейной конюшни. Позже к ним присоединился приехавший из Китая и внук Остроумова — Борис Романов (сын его дочери, жившей в Америке). Он быстро овладел французским языком, приобрел много друзей. Остроумовы

не оставались долго в Сайгоне, пробыв там чуть более 2 лет. Состояние здоровья Остроумова-старшего ухудшилось, они уехали в Корею, где он мечтал умереть. Так и случилось²⁵. Его супруга Соня затем вернулась в Сайгон и стала работать в ателье мод, которое принадлежало **Марии Яковлевне Всеволожской**²⁶.

Сергей Сергеевич Всеволожский прожил достаточно долго в Индокитае. Инженерное образование он получил в России. До самой пенсии работал на технической должности в гараже, принадлежавшем французской компании Les Dragages. Его супруга Мария Яковлевна прежде была замужем за русским писателем и журналистом Б.А. Сувориным. Она была первой любовью С. Всеволожского, с которым долго переписывалась, прежде чем согласилась выйти за него замуж и приехать в Индокитай. М.Я. Всеволожская была очень привлекательной женщиной и пользовалась большим успехом в Сайгоне. Помимо того, она оказалась прекрасной портнихой, была в курсе парижской моды, открыла свое ателье мод (одно из трех во всем городе), которое любили посещать местные француженки. У нее работали несколько портных из местных жителей. Всеволожская сама придумывала многие модели, которые были выполнены с большим вкусом и, поэтому, стоили весьма дорого.

М.Я. Всеволожская была очень энергичной женщиной, организовала празднование Русской православной пасхи в Сайгоне и для этого добилась приезда русского священника из Шанхая²⁷. У Всеволожских не было детей, после окончания Второй мировой войны к ним приехала племянница Марии Яковлевны из Парижа, которая была замужем за молодым французским офицером. Он работал в той же компании, что и Сергей Всеволожский. Предположительно в 1950-е гг. Всеволожские вернулись во Францию и до конца своих дней жили на юге страны.

Как уже говорилось ранее, Федор Григорьев оказался во Вьетнаме благодаря помощи своего друга **Бориса Еремеева**, с которым учился в Морском корпусе в Санкт-Петербурге. Оказавшись в эмиграции, Еремеев после нескольких лет скитаний обосновался в Сайгоне и стал работать в крупной французской компании, которая вела в колонии большое строительство. Всю

свою жизнь Еремеев работал только в этой компании. В 1945 г., после окончания Второй мировой войны, он вышел на пенсию, вернулся во Францию, купил ферму²⁸.

Еще один важный персонаж русской колонии в Сайгоне — **Шуша**, или **Александра Львовна Сокольская** (1913—1986). Она родилась в Керчи в семье инженера Льва Семеновича Сокольского и пианистки Сесилии Яковлевны Харитоновой. После революции 1917 г. семья Сокольских эмигрировала в Стамбул, где Шуша и ее сестра учились в католической школе для девочек. Затем Шуша поступила в университет в бельгийском городе Льеж, а продолжила образование в Сорбонне — на химическом факультете.

В Париже Шуша вышла замуж за Раймона Бонэ, который закончил специализированное учебное заведение Ecole coloniale и одновременно юридический факультет. Молодой адвокат получил назначение в Индокитай, где семья Бонэ провела несколько лет. В метрополию они вернулись в 1946 г.²⁹

Как вспоминала О.И. Лаиль, в Сайгоне ее, молодую вдову с маленькой дочкой, часто навещали Владимир Кандауров и Шуша, которая особенно помогала ей в это нелегкое время: «Это была стройная блондинка с ясными глазами и летящей походкой. Она приветлива, умна и сразу понравилась мне». Она заставила Ольгу активно учить французский язык, оказывала посильную поддержку в повседневной жизни.

Пожалуй, самым удивительным персонажем русской колонии в Сайгоне был казачий офицер **Федор Иванович Елисеев** (1892—1987). Он родился на Кубани, окончил Оренбургское казачье военное училище. Свою военную службу он начал в 17 лет, в годы Первой мировой войны служил на Кавказском фронте в одном из казачьих полков. Его жизнь после Октябрьской революции 1917 г. — настоящая одиссея. В составе цирковых трупп Федор Елисеев побывал в разных странах мира, восхищая зрителей виртуозной джигитовкой и высоким артистизмом. Он выступал в Индии, Бирме, Сингапуре, Гонконге, Сиаме, Камбодже, несколько раз приезжал в Индокитай. Ф.И. Елисеев написал и издал на ротаторе (в США) более 90 книжек-брошюр, большинство из которых посвящены истории

казацких полков и их участию в военных сражениях начала XX в. А в небольшой трилогии «На коне по белу свету» он рассказал и о своем пребывании в Индокитае³⁰.

Впервые Елисеев побывал в этой французской колонии в ноябре 1934 г. на гастролях цирковой труппы, тогда он посетил Хайфон, Ханой и Сайгон. Затем он приезжал сюда в январе 1937 г. Вторая мировая война застала Федора Елисеева на острове Суматра, где он выступал с труппой казаков-джигитов. Весной 1940 г. он с женой и сыном окончательно перебирается в Индокитай.

Как офицер Русской армии, Елисеев подал документы и сдал экзамены на офицерский чин (капитана) во Французской армии. Его документы были отправлены в метрополию, где уже шла война. Неудивительно, что в такой ситуации они потерялись. Согласно французским законам, в армии этой страны иностранцы не могли быть офицерами, за исключением тех, кто принимал французское гражданство и оканчивал французские военные учебные заведения. Накануне Второй мировой войны офицерам союзных армий по Первой мировой войне было разрешено поступать на службу во французскую армию, но с понижением в чине.

Новый этап в своей жизни Елисеев описал так: «Я... поступил на службу на один из складов французского строительства. Устроился неплохо, познакомился с французскими и российскими старожилами. Тем временем японский корпус войск вошел в Индокитай... Французы в Индокитае начали готовиться к сопротивлению японцам. Я был вторично вызван в штаб, вновь прошел оба экзамена, но ввиду недостаточного знания французского языка был назначен лейтенантом в 5-й пехотный полк Иностранного легиона, расквартированного на севере Индокитая, в Тонкине»³¹.

Во время службы в легионе Федор Елисеев (или лейтенант Элизе, *Elisé*, как его звали на французский манер) регулярно вел дневник, в котором содержатся ценные свидетельства, запечатлевшие военные события того времени³². 2 апреля 1945 г., прикрывая в арьергарде отступление своего батальона, Федор Елисеев спас своего боевого товарища, тяжелораненого шеф-капра-

ла, поляка Колерского. А на следующий день уже он сам попал в плен к японцам и прошел через все испытания и тяготы неволи.

После окончания Второй мировой войны и капитуляции императорской Японии все французские военнопленные были доставлены в Ханой и размещены в городской крепости. С освобождением из заключения завершилась его индокитайская эпопея.

В боях против японцев лейтенант Ф.И. Елисеев был дважды ранен, отмечен по службе девятью наградами и высшим из них — орденом Военного Креста 2-й степени с золотой звездой на ленте.

В марте 1946 г. началась репатриация во Францию бывших военных и их семейств. Елисеев вместе с женой и сыном 22 августа 1946 г. на большом океанском пароходе «Иль де Франс» из Сайгона отбыл во Францию. Через некоторое время семья Елисеевых переехала на постоянное место жительства в США.

Благодаря воспоминаниям Ф.И. Елисеева удалось узнать еще об одном нашем соотечественнике, жившем в те годы в Индокитае. Так, в городе Митхо он встретился со своим земляком, донским казаком **Яковом Федоровичем Аксеновым**, которому посвящены следующие строки: «Он здесь заведующий строительной мастерской большого предприятия. У него жена, сынишка, две дочурки. Приятная семья. Приняли нас по-братски, чисто по-казацки. Сам Аксенов умный и твердый казак. К тому же старовер. Бывший студент Московского университета. С начала войны 1914 г. мобилизован. Великую войну закончил сотником. В месяцы революции был членом Войскового круга на Дону. Из Парижа выписывает газеты, журналы, книги, чего нам так не хватало»³³.

Несколько личных впечатлений о жизни русских людей в Индокитае сообщила в своем письме его дочь **Маргарита Эшль-Аксенова**, которая сейчас живет в Лозанне: «Я родилась во Вьетнаме от родителей — натурализованных французов³⁴ и прожила в этой стране 22 года. Мои впечатления о русской колонии в годы моей юности, когда я была юной француженкой, очень ограничены. Я жила среди индокитайцев, говорила на их языке, и разделяла их обычаи... В настоящий момент я пишу рассказы о своей юности...

Что касается русской колонии в Южном Вьетнаме, то мои впечатления не очень обширны. Мои родители принимали у себя дома так называемых «белых русских», которых насчитывалось примерно двадцать семей. Совместными усилиями они организовывали различные торжества: дни рождения, Пасху и Рождество. На этих встречах все они говорили по-русски, рассказывали о своем прошлом. Большинство из них принадлежали к белой эмиграции. Сюда приехали из Европы или из Китая. Каждый из них владел какой-то специальностью. И после нескольких лет, прожитых в колонии, просили и безо всяких затруднений получали французское гражданство.

В те годы, когда я там жила (1932—1954), в Сайгоне не было газет и книг на русском языке. Родители обучали нас русскому языку дома, и мы должны были читать произведения великих русских писателей-классиков³⁵.

В Архиве МИД Франции имеются документы, в которых упоминаются **Хмелев** и **Жданов** из Сайгона³⁶. Они обращались в советское консульство в Шанхае относительно возможности их возвращения в СССР. Их дальнейшая судьба неизвестна.

* * *

В годы Второй войны Индокитай был изолирован от внешнего мира. Наряду с нехваткой товаров повседневного спроса не было иностранной прессы и книг, нерегулярно работало радио, в кинотеатрах демонстрировались только старые французские фильмы. Поэтому для русских людей не было никакой другой альтернативы, кроме интеграции во французскую часть индокитайского общества. Малочисленная русская колония могла совместными усилиями отмечать только семейные торжества и религиозные праздники, например, Пасху и Рождество.

Не было у русских, живших тогда в этой колонии, каких-то своих собственных организаций, хотя, по данным французских архивов, в Ханое существовал Комитет русских в Индокитае (Comitee des Russes en Indochine). Судя по факсимиле подписи, его возглавлял некто Голубев (Goloubeff)³⁷. Возможно, это мог

быть известный ученый В.В. Голубев. К сожалению, никаких сведений об этом комитете не удалось найти.

Известно, что во второй половине 1920-х годов (с 1926 по 1928) в расквартированных в Тонкине подразделениях Иностранного легиона действовало индокитайское отделение (самое большое среди прочих отделений) монархического «Союза русских государевых людей имени ее Императорского высочества Великой княгини Киры Кирилловны». Его официальными членами были 53 русских легионера³⁸.

* * *

После окончания Первой Индокитайской войны (1946—1954) и подписания Женевских соглашений последовало разделение Вьетнама на две части, на два идеологически противостоящих друг другу государства. Советские люди стали часто и в большом количестве приезжать в северную часть страны — Демократическую Республику Вьетнам, которая в 1950 г. установила дипломатические отношения с СССР. Что касается Южного Вьетнама, то там с середины 1960-х годов так или иначе также стали появляться «русские лица».

Жизнь **Арсения (Андре) Владимировича Липского** (род. в 1916 г.) была связана с французской армией. После эмиграции родителей он воспитывался бабушкой на своей родине в Симбирске, и лишь в 1927 г. был в буквальном смысле слова выкуплен родителями у советского государства через Красный Крест и выехал во Францию³⁹. Воспитание он получил в иезуитском колледже, а затем с 1936 по 1974 г. находился на службе во французской армии. Он прошел через немецкий плен, бежал из концлагеря, затем сражался в составе войск Шарля де Голля в Алжире и Тунисе, первым высадился с союзными войсками в Тулоне, где был тяжело ранен и три года провел в госпитале. Затем последовала учеба в Академии Генерального штаба, участие в боевых действиях в Индокитае и Алжире, служба переводчиком у военного министра⁴⁰. В Южном Вьетнаме А.В. Липский занимался вопросами психотехники и возглавлял Центр психотехники.

Американо-вьетнамский ученый Чыонг Быу Лам, автор работ по новой и новейшей истории Вьетнама, с 1957 по 1964 год жил в Сайгоне со своей женой **Христиной Бесслер-Скрипниченко**, русской по происхождению. Она получила вьетнамское гражданство и стала именоваться Христина Чыонг Хоанг Нга. «Она мало рассказывала о своей прошлой жизни, в которой ей пришлось испытать много трудностей. Кажется, в годы войны она была вывезена из родных мест на работу в Германию, а после войны оказалась в Бельгии»⁴¹.

Супруги были знакомы с двумя русскими, которые в то время жили в Южном Вьетнаме. Чыонг Быу Лам хорошо помнит русского эмигранта Ладеженского (Ladejinsky), ставшего гражданином США. **Вольф Исаакович Ладежинский** (1899—1975) родился на Украине в зажиточной семье, в 1920 г. переехал в Румынию, а в 1922 г. эмигрировал в США. В 1934 г. он окончил Колумбийский университет по специальности «экономика сельского хозяйства». Участвовал в разработке закона о земельной реформе в Японии, в подготовке и проведении аграрной реформы на Тайване. В 1955 г. был советником по земельной реформе и программе обустройства беженцев при президенте Нго Динь Зиеме в Южном Вьетнаме.

Чыонг Быу Лам вспомнил одну русскую даму (фамилия по мужу Видаль, Vidal), у которой, возможно, было французское гражданство. Вместе с мужем она приехала в Сайгон из Шанхая.

Известно также и о другой нашей соотечественнице — **Лариссе Николаевне Андерсен** (1914—2012), которая считалась «лучшей поэтессой русского Китая». Вместе с родителями в 1922 г. из Владивостока она отправилась в эмиграцию в Китай, там занималась танцами, писала стихи, которые печатались во многих газетах и журналах русского зарубежья в Китае. Поэтическое творчество Лариссы Андерсен высоко оценил Александр Вертинский, который назвал ее стихи «Божею милостью талантом»⁴², он был большой поклонник ее таланта и красоты. В 1956 г. в Шанхае она вышла замуж за француза Мориса Шеха, служащего французской судоходной компании Messageries Maritimes. Вместе с ним она побывала в Индии, Африке, Вьетнаме, на Таити, а с 1970 г. супруги жили во Франции.

В 1964—1967 гг. профессиональная деятельность мужа забросила их в Южный Вьетнам. В этой стране тогда было неспокойно, и Ларисса Андерсен не могла выходить за пределы их виллы в Сайгоне. Об этом времени она писала в 1970 г. своей давней знакомой по Шанхаю Н.Н. Авборцумовой, которая жила в США: «...мы прожили три года в Сайгоне»⁴³. У нас был большой дом, большой сад, хорошая прислуга, но ездить вокруг в последние два года войны было нельзя из-за войны. И вообще видела много грустного. Да и опасно было. Никогда не знаешь, где разорвется бомба. Сайгон оставил грустное впечатление...»⁴⁴. Некоторые детали ее сайгонской жизни содержатся и в ее более раннем письме, написанном почти сразу после прибытия в Южный Вьетнам: «Приехала в Сайгон пароходом. Здесь меня встречали Морис»⁴⁵, жара и неустроенный дом. Дом уже устроился, жара сменилась дождями, а теперь наступает прохладный сезон, который постепенно превращается в жару... У нас хороший сад, он обязан заменять мне всякие джунгли, так как ездить вокруг не рекомендуется... Начинаю заниматься французским. Вдруг, ни с того ни с сего, взялась рисовать — все какие-то ромашки масляными красками (но почему ромашки, когда тут тропики? Орхидеи бы!)»⁴⁶.

Вьетнам остался в ее душе на всю жизнь. В ее мемуарном наследии есть печальный очерк под названием «Вьетнамские беженцы»⁴⁷. В память о годах, прожитых в этой стране, в ее французском доме висели картины вьетнамских художников. В Сайгоне она преподавала йогу (которой обучилась во время пребывания в Индии), а заработанные деньги отдавала в приют для слепых девочек и беспризорных мальчиков.

* * *

В этой статье была предпринята попытка рассказать, хотя бы кратко, о наших соотечественниках, живших в первой половине XX в. в Индокитае. Возможно, дальнейшие поиски помогут найти и других представителей русской колонии в этой далекой азиатской стране.

Примечания

¹ Эта статья смогла появиться, прежде всего, благодаря помощи Ольги Иосифовны Лаиль (Ильиной) и Ольги Федоровны Менёр (Григорьевой), которые в своей юности жили в Индокитае. Переписка и личные интервью автора с ними помогли проследить судьбы наших соотечественников, волею судеб оказавшихся в этой французской колонии после эмиграции из России. Со многими из этих людей О.И. Лаиль и О.Г. Менёр были знакомы лично и поддерживали отношения в последующие годы, поэтому так важны их «живые» комментарии.

² *Czeczsko Tibor. La Legion Étrangère en Indochine, 1919—1941. Paris, 1989. P.321.*

³ Государственный архив Российской Федерации. Фонд 57636, опись 1, дело 8, л. 232.

⁴ Archives du Ministère français des Affaires Étrangères. Fond Asie—Océanie / Indochine, dossier 137. P. 97.

⁵ Annuaire administratif des services communs de l'Indochine, 1949—1950. Saigon, 1950. P.24, 194.

⁶ *Ильина Наталья. Дороги и судьбы. М., 1991. С. 123—124.*

⁷ *Ильина-Лаиль Ольга. Восточная нить. СПб., 2003.*

⁸ Сведения получены автором от Данилы (Даниэля) Владимировича Кандаурова, сына В.П. Кандаурова. Письмо от 5 июля 2007 г.

⁹ После развода родителей в 1944 г. Данила жил с матерью в Сайгоне на улице Langhere и на улице Catinat. О себе он сообщил следующее: «Когда мои родители развелись, я был очень юн. Вскоре моя мать вновь вышла замуж за одного француза в Сингапуре. Меня отправили учиться в Англию, затем я уехал в Гельдербергский университет, чтобы изучать немецкий язык. В Париже изучал коммерцию, работал в одной канадской компании, которая имела свое представительство в Швейцарии. Я интересовался русской культурой и стал самостоятельно изучать русский язык на вечерних курсах в Лозанне. Совершил несколько туристических поездок и деловых командировок в Россию — в годы социализма и после его крушения. Моя супруга — швейцарка, и у нас 3 дочери. Сейчас я уже на пенсии» // Письмо Д.В. Кандаурова автору статьи (5 июля 2007 г.).

¹⁰ *Наталья Ильина. Дороги и судьбы. М., 1988. С. 413—414.*

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 415.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 419.

¹⁵ Письмо Д.В. Кандаурова автору статьи (5 июля 2007 г.).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Личные интервью и переписка с дочерьми Ф.Г. Григорьева — Ольгой Федоровной Менёр и Валентиной Федоровной Григорьевой.

¹⁸ Первая супруга Ф. Григорьева тяжело заболела в Камбодже и уехала к своей дочери Ольге Менёр, которая тогда жила в Гонконге. Тогда же между супругами произошел окончательный разрыв.

¹⁹ В личном архиве В.Ф. Григорьевой хранятся работы ее отца этико-философского характера, в том числе и весьма интересный доклад «О связях между религией и научной мыслью» (*De la relation entre la religion et la pensée scientifique*), сделанный им 24 мая 1970 г. в Обществе при Русской православной церкви Святого Георгия в Марселе.

²⁰ О.Ф. Менёр скончалась 2 октября 2010 г. в Париже.

²¹ Письмо датировано 23 июля 1965 года. Копия получена автором статьи от Беатрис Филипп, дочери И.А. Буланина.

²² В некоторых изданиях сообщалось, что Игорь Буланин посмертно был награжден французским орденом Почетного легиона. Этот факт не соответствует действительности.

²³ *Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005. С. 93.*

²⁴ Там же. С. 216, 231. См. также: *Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003.*

²⁵ В некоторых изданиях указывается, что Б.В. Остроумов умер во Вьетнаме.

²⁶ Как вспоминали О.Ф. Менёр и О.И. Лаиль, через несколько лет С. Остроумова вернулась в Париж, где жила до конца своих дней. Андрей Остроумов женился на метиске (отец — португалец, мать — китаянка) из Макао, откуда он перебрался в Гонконг, где продолжил карьеру жокея.

²⁷ Впоследствии О.Ф. Менёр встречалась с ним в Шанхае.

²⁸ Старшая дочь Бориса Еремеева долгие годы работала в Индокитайском банке в Гонконге, затем во французском городе Канн, где жила до конца своих дней. Его вторая дочь Людмила вышла замуж за англичанина — сотрудника электрической компании в Гонконге. В годы японской оккупации он был японцами в концлагерь и был ос-

вобожден после окончания войны. Вскоре супруги вместе с двумя детьми уехали в Англию.

²⁹ Ко времени возвращения Шуши во Францию у нее было уже четыре дочери и один сын. Раймон Бонэ покинул государственную службу и занялся частной адвокатской практикой.

³⁰ *Елисеев Ф.И.* В Индокитае — против японцев и в плену у них (в Иностранном легионе французской армии). Нью-Йорк, 1966. Эти записи были позднее изданы отдельной книгой и в России: Елисеев Ф.И. В Иностранном легионе и в плену у японцев. М., 2005.

³¹ *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе и в плену у японцев. Указ. соч. С. 7.

³² Большую ценность дневниковые записи Ф.И. Елисеева представляют особенно потому, что в них упоминаются другие русские легионеры, оказавшиеся в те годы в Индокитае.

³³ *Елисеев Ф.И.* В Иностранном легионе и в плену у японцев. Указ. соч. С. 179.

³⁴ Я.Ф. Аксенов был родом из Ростова-на-Дону, а его жена — из Екатеринбурга.

³⁵ Из письма М. Эшль-Аксеновой автору статьи (20 июля 2007 года).

³⁶ Archives du Ministère français des Affaires Etrangères. Fond Asie—Océanie / Indochine, dossier 346. P. 240.

³⁷ Archives d'histoire contemporaine. Fondation nationale des Sciences politiques. Fond Jean Sainteny, 1 SA—1.

³⁸ Подробнее см.: *Соколов А.А.* Деятельность «Союза русских государственных людей» в Индокитае (1925—1928) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2009.

³⁹ *Серков А.И.* Русское масонство, 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 482.

⁴⁰ В 1974 г. А.В. Липский, получив орден Почетного легиона, вышел в отставку в звании полковника и стал директором русского дома для престарелых в Гарни. Покинув этот пост в 1989 г., он стал заниматься вопросами, связанными с русским масонством (вольным каменщиком он стал еще в 1949 г.). А.В. Липский занимал пост почетного мастера в русской ложе (Великий Восток Франции) в Париже.

⁴¹ Письма Чыонга Быу Лама автору статьи (28 марта и 1 апреля 2006 г.).

⁴² Цит. по: *Калиберова Тамара.* Ларисса Андерсен: миф и судьба // Андерсен Ларисса. Одна на мосту. М., 2006. С. 9.

⁴³ До Вьетнама супруги три года прожили в Индии. Там Ларисса занималась йогой, встречалась с Рерихами, отцом и сыном.

⁴⁴ *Андерсен Ларисса.* Указ. соч. С. 319.

⁴⁵ Морис Шез (1912—1988) — муж Лариссы Андерсен.

⁴⁶ *Андерсен Ларисса.* Указ. соч. С. 332—333.

⁴⁷ Там же. С. 294—295.